

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 5 Пятница, 18 февраля (3 марта) 1905 г. № 5

Несостоявшійся земскій соборъ.

Мечты славянофиловъ о земскомъ соборѣ. — Царь и народъ. - Русскій идеалъ для интеллигенціи.—Побѣда реакціонныхъ теченій.

Идея о созывѣ земскаго собора была излюбленной мечтой русскихъ славянофиловъ. Еще Константинъ Аксаковъ въ своей запискѣ горячо проводилъ мысль, что „государству—власть, землѣ—сила". Идея единенія власти и силы, по мнѣнію славянофиловъ, осуществлена была на старинныхъ земскихъ соборахъ. Такимъ образомъ, соборы являлись красивой грезой, свѣтящейся изъ сумрака давно прошедшихъ лѣтъ, поэтической мечтой, нашедшей себѣ осуществленіе въ укладѣ стараго Московскаго государства.

Четверть вѣка назадъ идею о необходимости созванія земскаго собора горячо проповѣдывалъ въ высшихъ кругахъ одинъ изъ писателей славянофильскаго лагеря, близкій человѣкъ къ И. С. Аксакову, — А. Д. Голохвастовъ.

Печатно и въ рядѣ записокъ, поданныхъ въ правительственныя сферы, онъ твердилъ, что „исправить тяжкое положеніе дѣлъ", наступившее вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны и берлинскаго конгресса, можно, только вернувшись къ преданіямъ старины и созывомъ земскаго собора.

Убѣжденный славянофилъ Голохвастовъ въ прошломъ видѣлъ яркіе образы, плѣнительныя картины общеземско-соборнаго дѣла на Руси.

Въ 1879 году онъ громко высказываетъ свою мысль, находя въ созваніи всенароднаго собора панацею отъ всѣхъ золъ, объявшихъ Россію.

Послѣдняя должна противопоставить Западу свое исконное соборное начало. Безъ него жить немыслимо.

Голохвастовъ былъ серьезно убѣжденъ, что „міромъ да соборомъ и чорта поборемъ".

Этотъ „чортъ" въ представленіи Голохвастова былъ вполнѣ ясенъ.

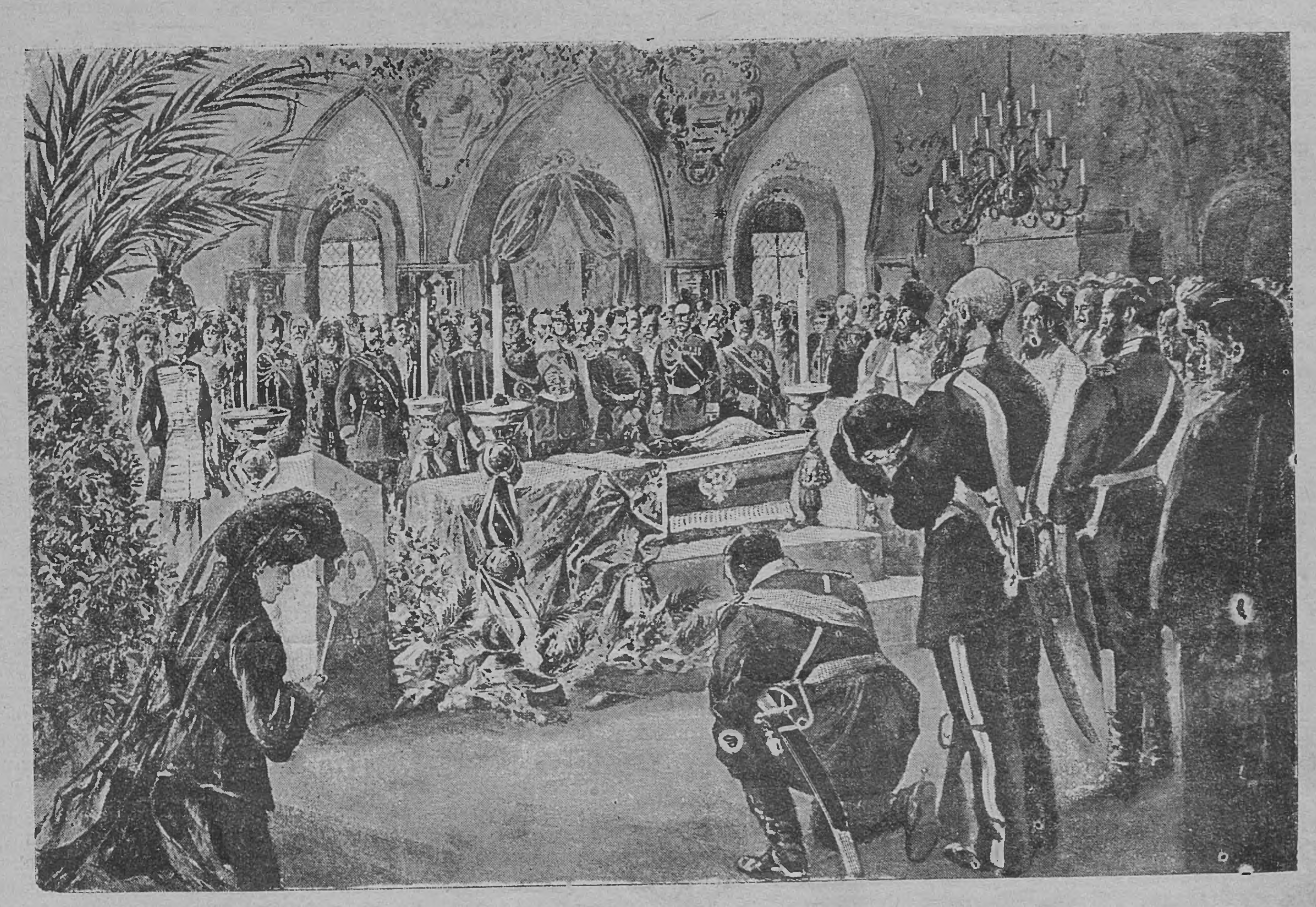
„Не все же чертовщина у насъ наводная да накупная", признается Голохвастовъ, и это признаніе въ устахъ славянофила крайне характерно. Бурьяну ростъ отъ залежи. Покончить тутъ—значитъ не листья ощипывать, да не на выборъ стебли рвать, а мало тутъ и коренье выскребить: надо самое залежь поднять да, по евангельски, во всю глубину земли и засѣять добрымъ сѣменемъ. Вотъ бурьяну конецъ, хлѣба начало. *)

Далѣе Голохвастовъ обращается къ пророческому тону и, заглядывая не въ глубь вѣковъ, а въ темень будущаго, говоритъ: „Часъ будетъ великій; а въ тотъ или иной великій часъ, вѣдь же неминуемо, вѣдь же положитъ Богъ Царю на разумъ познать, что безъ народа, безо всей самой земли, ни нашею старо-нѣмецкой чиновничьей машиною правительственной, ни нарочитою семигенеральщиной, все равно не справиться ни со смутьянами, ниже съ иными многими у насъ непорядками.

„Но лучше бы, конечно, призвать землю во-время; и спокойно, спокойно-грознымъ судомъ и расправою по старинному: Собора излюбленнаго всея земли, всѣхъ православныхъ крестьянъ, всякаго чина людей, отъ каждаго города съ волостьми по столько-то человѣкъ добрыхъ, разумныхъ, постоятельныхъ, съ которыми Государю можно бы говорити и промышляти о всѣхъ людяхъ ко всему добру, покончить прежде всего съ этою бѣдой, со смутой и со смутьянами".

Идея о земскомъ соборѣ пришлась по серд-

*) „Русскій Вѣстникъ" № 2, февраль.

Панихида по Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Сергіѣ Александровичѣ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

цу въ Петербургѣ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ предложилъ Голохвастову переѣхать въ Петербургъ и „тайно помогать" разработкѣ вопроса о соборѣ. Явно же Голохвастову было дано иное порученіе *). Работа съ графомъ велась строго келейно.

Соборъ былъ признанъ необходимымъ. Онъ долженъ былъ явиться „освѣженіемъ" идеи русскаго „государственнаго строя".

* * *

Россія не Европа — таковъ основной тезисъ воззрѣній Голохвастова. Цѣпляясь одна за другую, изъ этой главной мысли выходили остальныя.

Европа—гниль. Россія—страна будущаго. Что же такое Россія?

Славянофилъ отвѣчаетъ кратко, формулой: „Царь и народъ". Россіи нужна особая свобода. Формула этой русской свободы: „Царь и едина земля, никакой господчины, ни помѣщичьей надъ крестьянами, ни чиновничьей надъ всей землею и надъ Государемъ".

„Царь самодержавный, земля полноправная". Единеніе ихъ необходимо, и оно выразится въ земскомъ соборѣ.

Какъ созвать первый соборъ? Отвѣтъ: „громадно, народно и, по возможности, неотложно". Громада выборныхъ земли должна предстать предъ Царемъ. Прояснить скопляющіяся тучи можетъ только самъ Царь непосредственно, „своимъ ликомъ и своею рѣчью", обращенной на соборѣ непосредственно къ выборнымъ со всей крестьянской Руси.

Число выборныхъ должно быть огромно, чтобы „не было на Руси крестьянина, который не могъ бы, проѣхавъ верстъ 20—30, увидать своего выборнаго, возвратившагося съ собора". Переходя къ интеллигенціи, Голохвастовъ находилъ суть „интеллигентнаго недоразумѣнія" въ слѣдующемъ:

„Старо-европейская, придворно-фискальная, всеопекающая правительственная машина выработалась къ концу XVII вѣка, преимущественно жандармски у французовъ, канцелярски у австрійцевъ, капральски у пруссаковъ.

„Ото всѣхъ отъ нихъ перелита намивъ для того основанный Петербургъ. При Екатеринѣ машина эта довела насъ до пугачевщины, а Европу до цѣлаго ряда революцій: 89, 30, 48 годовъ. Какъ причина, такъ и ходъ и результатъ всѣхъ европейскихъ революцій одинаковы: всеопекающая, фискальная, по нашему чиновничья, машина грабитъ, разоряетъ и ослабляетъ страну; народъ бѣдствуетъ, интеллигенція негодуетъ, ищетъ государственнаго идеала, своего національнаго не видитъ или не имѣетъ, кидается на чужой и, при совершенномъ (кромѣ Ванден) равнодушіи народа, искони обезземеленнаго рыцарями—его завоевателями, окончательно обезволеннаго королевскими фискалами, народа чуждаго, только-что не враждебнаго Государю, былому предводителю завоевателей, тогдашнему l'Etat c'est moi, le premier des gentilshommes, и сама, презирая этотъ народъ, интеллигенція, отъ придворной до площадной, ведетъ или напускаетъ пропаганду, мятежъ, терроръ, пока, наконецъ, монархъ или претендентъ на мѣсто казненнаго или изгнаннаго монарха не рѣшится уступить; тогда революція достигла своего; вездѣ и всегда одного: конституціи".

* * *

Для чего созывается соборъ, гдѣ причина его неотложной необходимости?

Первая и неотложная причина, отвѣчаетъ Голохвастовъ, „успокоить народъ и примирить его съ интеллигенціей". Вторая—„дать интеллигенціи русскій идеалъ и согласить ее съ народомъ".

Такимъ образомъ, прежде всего примиреніе и соглашеніе оторвавшейся отъ народа интеллигенціи и оторваннаго отъ интеллигенціи народа.

Мысль чисто славянофильскаго лагеря...

Засѣданія собора должны быть публичны. Большинство голосовъ должно имѣть обязательную силу. Безъ этого соборъ былъ бы „что телѣга безъ колеса, что лодка безъ веселъ". Но это не очень существенно... „непремѣнное смиреніе передъ числомъ сплошь да рядомъ равно смиренію головъ передъ кулакомъ". Правда тутъ не въ числѣ. „Иногда, чѣмъ она истиннѣе, тѣмъ уединеннѣе".

Отсюда выводъ: „Гдѣ рѣшитель такъ называемое большинство, тамъ ужъ ограничена, вѣрнѣй, уничтожена власть государева и свобода дѣйствительнаго большинства, тамъ конституція, присягновенная господчина, какъ обозвалъ ее пророчески-мѣтко народъ нашъ, не знатокъ, да отгадчикъ, по его же пословицѣ. А гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ власти ни лицамъ по первородству или по сану привилегированнымъ, ни сословіямъ или партіямъ, численно-превозобладавшимъ на выборахъ и на преніяхъ, тамъ въ свободномъ совѣтѣ всея земли необходимъ свободный рѣшитель: Царь Самодержецъ".

Система выборовъ на соборѣ, практикуемая въ Западной Европѣ, для насъ не годится. „Россія, вѣдь, не Европа". Тамъ „подкупы", и „ложь", и „нелѣпость".

„Иначе, соборъ сталъ бы уже не земскій, не всея Земли, не совѣтъ какъ земскому дѣлу будетъ прибыльнѣй, а тотъ же бы парламентъ, арена всякихъ сердечныхъ злобъ, и даже не всякихъ, а именно господскихъ. Во-вторыхъ потому, что и сама эта власть, безъ земскаго собора—Царь внѣ земли, корень внѣ почвы—становится уже не истиннымъ, русскимъ Самодержавіемъ, а тѣмъ же европейскимъ автократизмомъ и обрекаетъ себя его судьбамъ, землю новому лихолѣтью, а присно-соборное Самодержавіе новому воздвиженію".

Таковы мечты о созваніи земскаго собора болѣе четверти вѣка назадъ и самая постановка вопроса, въ томъ видѣ, какъ она улыбалась министру графу Игнатьеву, кстати, очень мало знакомому съ соборнымъ дѣломъ. Соборъ предполагалось созвать, „сочетая" день его открытія съ коронаціей Императора Александра III.

Въ письмѣ отъ 2 марта Аксакову Голохвастовъ уже высказывалъ опасеніе, что Игнатьевъ „поведетъ дѣло къ земскому собору слишкомъ осторожно и мелко и приведетъ не къ великому собору, а соборишкѣ, очень невинному съ виду, но въ дѣйствительности ужасно опасному".

Но повести дѣла Игнатьеву не удалось: графъ вышелъ въ отставку, и работа Голохвастова такъ и осталась кабинетной работой, не получившей никакого движенія.

Наступившее реакціонное теченіе сочло невинный проектъ Голохвастова либеральнымъ новшествомъ... Новшествомъ, хотя и опирающимся на старину. Красивая греза такъ и осталась лишь грезой, тепличнымъ цвѣткомъ, который врядъ-ли бы смогъ расцвѣсти, если бы даже проектъ Голохвастова былъ принятъ.

Скажемъ больше: врядъ-ли даже въ свое время онъ смогъ удовлетворить обѣ стороны. Слишкомъ уже кабинетными, теоретическими воззрѣніями, умствованіями онъ полонъ. Основная мысль, что Россія-де не Европа, что-де идетъ она своимъ путемъ, также спорна. Изъ этой же основной мысли выведено Голохвастовымъ все остальное.

Ошибка родитъ новыя,—цѣлое наслоеніе ошибокъ.

Прекрасно свое родное, но закрывать глаза на хорошее чужое также не слѣдуетъ. Геніальный Преобразователь Россіи поставилъ ее на новый путь, гг. Голохвастовы упорно зовутъ ее назадь, какъ бы говоря словами народной пѣсни:

Эхъ, кабы Волга-матушка вспять побѣжала,
Эхъ, кабы жить можно начать сначала.

Но ни Волга-матушка вспять не потечетъ, ни жить нельзя начать сначала. „Все въ мірѣ идетъ впередъ, все совершенствуется".

Старая мысль, которую не хотятъ признавать сочинители проектовъ во вкусѣ гг. Голохвастовыхъ.

Научныя изысканія о земскихъ соборахъ въ корнѣ подрываютъ значеніе этихъ учрежденій древней Руси.

Радужная греза славянофильской фантазіи меркнетъ предъ холоднымъ, но трезвымъ словомъ научной мысли.

Строить же обновленіе на „грезахъ" можно развѣ лишь въ кабинетахъ, стоя далеко отъ дѣйствительной жизни и ея нуждъ.

Н.

Гипнотизмъ и внушеніе въ медицинѣ.

II.

Salus aegroti—suprema lex esto...

Жизненная аксіома.

Гипнотизированіе противъ воли. — Переводъ естественнаго сна въ гипнотическій и внушенія въ этомъ снѣ. — Сопротивленіе загипнотизированнаго не исполнить внушеніе въ post-гипнозѣ. — Трансформація личности въ гипнозѣ, чтобы не перехитрить. — Область терапевтическаго примѣненія внушенія.

Внушенія можно производить во время естественнаго сна. Пріемы приблизительно таковы: Субъектъ спитъ. Врачъ приближается къ нему очень тихо со всевозможными предосторожностями, не слишкомъ близко наклоняясь къ уху спящаго, чтобы своимъ дыханіемъ не вызвать у него щекотанія лица, затѣмъ медленно и монотонно врачъ дѣлаетъ внушеніе, сначала тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, слѣдя все время за ритмомъ дыханія спящаго. Тонъ голоса постепенно повышается, и ритмъ дѣлаемыхъ спящему внушеній совпадаетъ съ ритмомъ дыханія спящаго.

Внушенія врачъ повторяетъ нѣсколько разъ, то повышая голосъ, то понижая.

Здѣсь слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, чтобы рѣзкостью тона не разбудить спящаго.

Какъ показали опыты, подобный пріемъ даетъ очень хорошіе результаты.

Примѣняя внушенія въ состояніи естественнаго сна, можно перевести этотъ послѣдній въ гипнотическій сонъ — внушеніями-же.

Здѣсь тотъ же пріемъ. Тотъ же ритмъ внушеній, совпадающій съ тѣмъ же ритмомъ дыханія спящаго. Наряду со словесными внушеніями полезно вызывать у спящаго физическое ощущеніе, но такое, чтобы оно его, съ одной стороны, не разбудило, а съ другой—чтобы оно дошло до сознанія спящаго и вызвало извѣстную реакцію. Вотъ приблизительно одинъ изъ наглядныхъ пріемовъ: гипнотизеръ находится вблизи спящаго. Въ комнатѣ полумракъ и тишина. Очень осторожно прикоснувшись кончикомъ бумажки или конскимъ волоскомъ ко лбу спящаго, онъ шепотомъ произноситъ фразу, напримѣръ: „комаръ на лбу!".

---

*) Писать статьи для „Сельскаго Вѣстника".

Фраза эта, сказанная шепотомъ и внѣшнее раздраженіе, успѣвающее все же дойти до сознанія спящаго, не настолько сильны, чтобы разбудить послѣдняго.

И что же мы видимъ?

Черезъ секунду спящій вздрагиваетъ, произведя рукою движеніе, словно прогоняетъ сѣвшаго на лобъ комара...

Едва этотъ первый опытъ удастся, гипнотизеръ продолжаетъ слѣдующій, болѣе сложный опытъ: надъ ухомъ спящаго снова раздается шопотъ: „Фу, какъ жарко!...“

Вслѣдъ за этимъ спящій начинаетъ дышать тяжелѣе, разбрасывается въ постели, и ясно замѣчается, что ему жарко...

Здѣсь гипнотизеръ можетъ быть смѣлѣе. Постоянно повышая голосъ, тономъ, не допускающимъ противорѣчія, онъ внушаетъ спящему подняться съ постели и сѣсть на кровать, спать глубоко и не пробуждаться больше безъ его, гипнотизера, приказанія, спать спокойно и слушаться его приказаній...

Разъ это исполнится,— спящій уже всецѣло во власти гипнотизера, такъ какъ въ данный моментъ онъ уже находится въ гипнотическомъ снѣ, и тогда гипнотизеру слѣдуетъ приступить къ необходимымъ для него внушеніямъ.

Это одинъ изъ наиболѣе обычныхъ пріемовъ для достиженія успѣха внушеній при нормальномъ снѣ. Бываютъ, однако, болѣе сложные случаи, когда эти пріемы не даютъ подобныхъ удачныхъ результатовъ, тогда гипнотизеръ прибѣгаетъ къ другимъ пріемамъ, которые онъ варьируетъ сообразно данному моменту. Не всегда дается въ одинъ сеансъ получить подобный результатъ. Иногда это удается послѣ нѣсколькихъ сеансовъ и нѣкоторой „дрессировки“ спящаго. Иногда цѣлесообразно предварительно вызвать искусственно, путемъ внушеній, соотвѣтствующія сновидѣнія съ активнымъ дѣйствіемъ, причемъ эти дѣйствія подъ вліяніемъ сдѣланныхъ спящему внушеній не будутъ случайными и скоропреходящими, какъ бываетъ во время обычныхъ сновидѣній, а будутъ слѣдовать опредѣленному плану, заранѣе задуманному гипнотизеромъ.

Словомъ, при наличности у гипнотизера опытности и изобрѣтательности, а главное—терпѣнія, всегда возможно вызвать у субъекта гипнозъ со внушаемостью.

Загипнотизированный субъектъ получивъ въ гипнозѣ какое-либо внушеніе, прежде всего съ особенной силой стремится исполнить внушенное ему дѣйствіе, и на этомъ-то и основывается терапевтическая сила гипнотическаго внушенія.

Обыкновенно передъ пробужденіемъ спящаго, получившаго уже терапевтическое внушеніе, слѣдуетъ заставить его повторить полученное имъ внушеніе и затѣмъ дать слово гипнотизеру, что все, внушенное ему послѣднимъ, будетъ имъ пунктуально исполнено.

Нерѣдко случается, что нѣкоторые больные сопротивляются и не даютъ согласія на исполненіе внушенныхъ имъ врачемъ дѣйствій. Это очень часто случается у истеричныхъ натуръ.

Разъ спящій паціентъ не далъ подобнаго согласія, то по пробужденіи онъ, несмотря на полученное имъ внушеніе, сможетъ побороть въ себѣ силу навязаннаго ему внушенія и не исполнить его.

Когда гипнотизеръ наталкивается на подобнаго паціента, онъ всетаки долженъ побороть сопротивленіе внушенію у паціента. Вотъ къ какимъ пріемамъ онъ долженъ прибѣгнуть. Извѣстно, что путемъ внушенія можно произвести полное фантастическое измѣненіе личности у загипнотизированнаго.

Если ему внушить, что онъ не данное лицо, а другое и находится при извѣстныхъ условіяхъ, то эффектъ получается полный.

Настоящее свое имя онъ совершенно забываетъ, а, напротивъ, загипнотизированный, сомнамбулистъ, воображая себя совершенно другимъ человѣкомъ, начинаетъ совершать такія дѣйствія, которыя вполнѣ подходятъ этому другому человѣку при его новой внушенной обстановкѣ.

Нагляднѣе. Г-жа Н., жена инженера, вполнѣ интеллигентная женщина, загипнотизирована. Въ гипнозѣ ей внушаю я, что она не госпожа Н., а прачка Авдотья, моющая бѣлье на берегу рѣки, что ее окружають такія же прачки, среди которыхъ находится одна бывшая ея товарка, съ которой она на ножахъ. И что же мы видимъ. Происходитъ поразительная перемѣна во внѣшности г-жи Н. (Она находится въ сомнамбулистическомъ снѣ, въ состояніи котораго спящая говоритъ, ходитъ съ мертвенными, открытыми хотя глазами и совершаетъ цѣлый рядъ вполнѣ логичныхъ, повидимому, дѣйствій).

Прежняя интеллигентность у г-жи Н. исчезла. Она совершенно преобразилась въ дикую бабу, ругающуюся съ какой-то товаркой, которую она тутъ же видѣла... Какія позы! Какіе жесты! Какія выраженія!

И мнѣ пришлось поспѣшить отрѣшить ее отъ идеи, что она прачка, и затѣмъ разбудить, чтобы присутствующіе при сеансѣ не были очевидцами развернувшейся сценки съ „изысканными“ выраженіями...

Въ нормальной жизни г-жа Н. очень спокойная и въ высшей степени деликатная женщина...

Въ жизни своей она никогда не произносила и милліонной доли того, что она выпалила въ нѣсколько минутъ своего пребыванія въ гипнозѣ, воображая себя разсерженной прачкой...

Вотъ подобный-то пріемъ трансформаціи личности очень часто практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда наталкиваешься на сопротивленіе у загипнотизированнаго.

Для большей наглядности подобнаго пріема, приведу примѣръ изъ своей практики.

Больная дѣвушка Т., учительница гимназіи, много лѣтъ страдаетъ идіосинкразіей къ мясной пищѣ, т. е. отвращеніемъ къ ней.

Въ послѣдніе годы болѣзнь у нея осложнилась, и она вообще не могла употреблять твердую пищу. Она питалась молокомъ, бульономъ и проч. При проглатываніи даже кусочка хлѣба у нея появлялась сильная рвота.

Конечно, при такихъ условіяхъ она была сильно истощена; нужно замѣтить, что при этомъ у нея оставалась одна замѣчательная способность: она совершенно свободно ѣла и проглатывала черный ржаной хлѣбъ, намазанный масломъ, и яблоко и только, при этомъ никакой рвоты у нея не бывало.

Это обстоятельство давало основаніе думать, что никакихъ органическихъ измѣненій ни въ пищепроводѣ, ни въ гортани у Т. не было, а это лишь—одна истерія. И она попала ко мнѣ какъ паціентка.

Я ее загипнотизировалъ и сдѣлалъ ей внушеніе, чтобы она ѣла свободно и безболѣзненно, и чтобы у нея не появлялось рвоты.

По пробужденіи она попыталась ѣсть, но опять наступила рвота. Никакія повторныя внушенія не подѣйствовали на нее, Тогда я рѣшилъ прибѣгнуть къ трансформаціи.

Я внушилъ ей, что она не Т. и не учительница, а—дѣвушка Степанида, нянька...

— Вотъ тебѣ, Степанида,—внушаю я ей, ребенокъ. Ты должна его накормить. Онъ плачетъ, уйми его!

При этомъ я далъ ей въ руку кавказскую продолговатую подушку.

Спящая, воображающая себя Степанидой, нянькой, бережно беретъ у меня подушку—воображаемаго ребенка и начинаетъ его убаюкивать; затѣмъ беретъ по моему внушенію маленькій кусокъ котлеты, который я ей даю, и тутъ-же суетъ его въ ротъ—(въ подушку) воображаемому ребенку.

— Вотъ что, Степанида,—внушаю я ей,—нужно самой попробовать мясо, свѣжо-ли оно?—Попробуй сама его, съѣшь этотъ кусокъ.

Загипнотизированная кладетъ себѣ въ ротъ имѣющуюся въ рукахъ котлетку и.. съѣдаетъ безболезненно и безъ рвоты.

За этимъ кускомъ послѣдовалъ другой, третій и т. д. Словомъ, спящая, какъ нянька Степанида, свободно ѣла хлѣбъ, овощи и даже мясо, но какъ только она по моему внушенію обращалась въ собственную персону Т., опять таже исторія: и боли въ горлѣ, и рвоты.

Я очень часто и надолго оставлялъ ее послѣ этого въ гипнотическомъ снѣ, какъ Степаниду. И во снѣ она питалась. Такъ прошло нѣкоторое время. Когда желудокъ ея сталъ окончательно привычнымъ къ давно неупотребляемой пищѣ, мнѣ не стоило большого труда внушеніемъ же заставить ее питаться уже не во снѣ, какъ Степаниду, а на яву, какъ госпожу Т.

Такимъ образомъ, она была излѣчена.

А вотъ и другой случай, не менѣе характерный.

Дѣвушка Варя, 16-ти лѣтъ, страдаетъ сильными истеро-эпилептическими припадками. Имѣются нѣкоторыя подозрѣнія пагубнаго порока, очень опаснаго въ дѣтскомъ возрастѣ.

Мои соотвѣтствующіе распросы на яву не привели ни къ чему.

Я ее загипнотизировалъ и сталъ допытывать во снѣ, но она отвѣчала полнѣйшимъ невѣдѣніемъ.

Тогда я внушалъ ей, что она не Варя, а—Марья Ивановна, гувернантка Вари.

— Кто вы такая?—спрашивалъ я спящую, для контроля внушенія.

— Марья Ивановна, гувернантка Вари,—отвѣчаетъ мнѣ спящая дѣвушка.

— Знаете, Марья Ивановна, — вчера я бесѣдовалъ съ родителями Вари, — внушаю я спящей въ видѣ бесѣды,—они очень недовольны вами. Они винятъ васъ въ недостаточномъ вниманіи къ своей воспитанницѣ. Она все болѣетъ, и васъ они давно уже просили зорко слѣдить за Варей въ теченіе дня и даже ночью, во время ея сна... Оказывается вы этого не дѣлаете... Да къ тому еще ваша разбалованная воспитанница нарочно изъ нелюбви къ вамъ успѣла вооружить свою мать противъ васъ...

—Ахъ негодница,—возмущенно ругаетъ самое себя Варя,—а я ее такъ любила...

— Мало того,—продолжаю я внушать,—родные на домашнемъ совѣтѣ рѣшили при ближайшемъ случаѣ отказать вамъ отъ мѣста. Куда вы дѣнетесь теперь?—Сейчасъ зима, холодно. Знакомыхъ у васъ нѣтъ.—А ваша старушка-мать? Бѣдная, больная, она лишится послѣдней поддержки, которую вы ей оказывали...

Слезы полились изъ глазъ спящей Вари, воображающей себя гувернанткой, Марьей Ивановной.

— Единственное спасеніе ваше,—продолжаю я внушать спящей,—теперь зорко слѣдить за вашей воспитанницей и ежели вы замѣтите, что-нибудь подозрительное, сейчасъ же мнѣ объ этомъ сообщите...

Тогда вы возбудите къ себѣ въ семьѣ больше довѣрія...

— Исполните это?—спрашиваю я спящую.

— Исполню!—отвѣчаетъ она.

Проходитъ нѣсколько минуть, Я внушаю спящей, что прошло уже 5 дней и что она уже успѣла кое-что замѣтить у своей воспитанницы.

— Ну, что, Марья Ивановна,—замѣтили ли вы что нибудь?—спрашиваю я спящую.

— Замѣтила!—отвѣчаетъ она рѣшительно...

И тутъ же разсказала мнѣ всѣ подробности, какимъ образомъ Варя заболѣла и болѣетъ...

Это мнѣ и нужно было.

Узнавъ всѣ подробности отъ нея, какъ отъ Марьи Ивановны, я внушилъ ей, что теперь она уже не гувернантка, а Варя. Затѣмъ я сталъ дѣлать ей нужныя для ея здоровья внушенія въ подходящей формѣ.

Внушенія оказали на Варю благотворное дѣйствіе. Она вполнѣ выздоровѣла; прежніе страшные припадки совершенно исчезли.

Въ данномъ случаѣ пріемъ трансформаціи личности сыгралъ діагностическую роль.

Главною областью для примѣненія гипнотическаго лѣченія считаются такія функціональныя разстройства нашего организма, которыя обыкновенно протекаютъ безсознательно,—за исключеніемъ только эффекта, который сознается нами,—но которыя находится подъ вліяніемъ центральной нервной системы безъ анатомической основы.

Поддаются лѣченію внушеніемъ многіе душевныя недомоганія, имѣющія въ основѣ „страданіе воли“.

Вотъ, приблизительно болѣзни, съ успѣхомъ поддающіеся лѣченію гипнотическимъ внушеніемъ.

Боли всякаго рода, прежде всего головныя, невралгія, ischias, зубныя боли, не вызываемыя абцессомъ.

Безсонница,

Функціональныя параличи ногъ, рукъ и контрактуры.

Разстройства менструацій (метрорагія и аменноррея).

Отсутствіе аппетита и всѣ нервныя разстройства пищеваренія.

Запоръ и діаррея (если послѣдняя не обусловливается катаррами или броженіями).

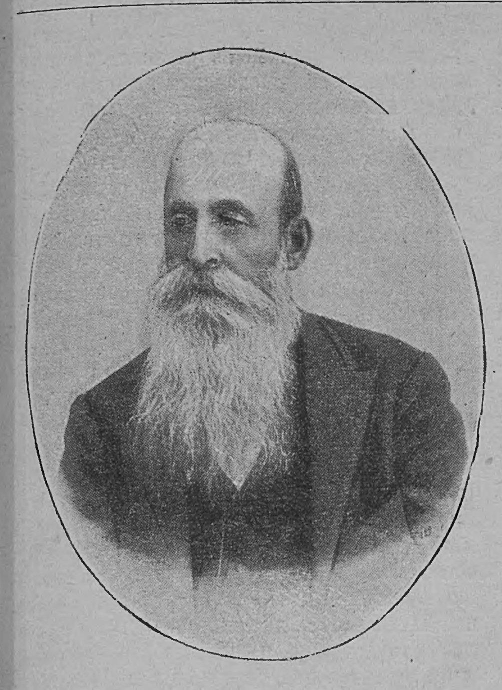
Психическая импотенція, пол-

Генералъ-адъютантъ Стессель.
Съ рисунка извѣстнаго французскаго рисовальщика Саботье, сдѣланнаго въ Портъ-Саидѣ, на пароходѣ „Австралія“, 31-го января (13-го февраля) 1905 года.

Въ Манчжурской арміи.—Прибытіе къ главнокомандующему гонца съ важными извѣстіями съ передовыхъ позицій.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ,
председатель литературнаго фонда, избранный почетнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ.

люціи, онанизмъ, извращенныя половыя ощущенія и т. п.

Алкоголизмъ и морфинизмъ.

Нейрастеническіе симптомы.

Заиканіе, нервныя разстройства зрѣнія.

Ночной страхъ у дѣтей.

Тошнота и морская болѣзнь, рвота беременныхъ. Хроническіе запоры.

Enuresis nocturna. Ночное недержаніе мочи.

Припадки пляски св. Витта.

Нервныя припадки кашля.

Истерическія разстройства всякаго рода, включая истеро-эпилептическіе припадки.

Дурныя привычки всякаго рода.

Нѣкоторые врачи-гипнотизаторы утверждаютъ, что гипнотическое внушеніе благотворно дѣйствуетъ даже при обыкновенной эпилепсіи, сокращая количество припадковъ и ослабляя ихъ интенсивность и продолжительность.

Нервный зудъ кожи.

Шумъ въ ушахъ.

Писчая спазма.

Вагинизмъ.

Душевныя разстройства на почвѣ страданія воли въ родѣ агорафобіи — боязнь пространствъ.

Что же касается до органическихъ болѣзней, при которыхъ происходитъ анатомическія измѣненія органовъ, то многими врачами - гипнотизерами доказано, что подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія удавалось улучшить болѣзненное состояніе устраненіемъ послѣдствій этихъ болѣзней. Напримѣръ, при спинной сухоткѣ удавалось устранить жестокія боли (Lloyd Tuckey). Д-ръ Stembo наблюдалъ исчезновеніе болей, зависѣвшихъ отъ рубцовъ. У одного изъ больныхъ проф. Bernheim'а отъ внушенія быстро поправились апоплексія и параличи. Было не мало случаевъ облегченія страданій при хроническомъ ревматизмѣ суставовъ съ видимыми осязательными опухолями. Острая, сильная боль была удалена внушеніями.

Д-ръ Albert Moll и д-ръ Friedmann наблюдали чрезвычайно интересный случай благотворнаго дѣйствія внушенія на больного, страдавшаго мучительной экземой. Уже послѣ пер-

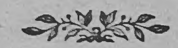
Негусъ Менеликъ въ парадномъ одѣяніи.
Фотографія снята во время недавняго пріема въ торжественной аудиенціи германскаго посольства.

Выступленіе гарнизона изъ Портъ-Артура послѣ паденія крѣпости.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

ваго гипнотическаго внушенія, чтобы лишай переставъ болѣть, пораженное мѣсто сдѣлалось совершенно нечувствительнымъ не только къ прикосновенію, но даже къ давленію.

О. Фельдманъ.

Достоевскій, какъ прорицатель.

Повторяется-ли исторія? — Взгляды Достоевскаго на войну. — Стихійная безсознательность и народъ. — Мечты объ Азіи.

„Объ нашихъ военныхъ ошибкахъ въ нынѣшнюю кампанію говорили и писали и въ Европѣ, и въ Россіи. Продолжаютъ разсуждать и теперь. Вѣрная и полная оцѣнка нашихъ военныхъ дѣйствій, конечно, принадлежитъ лишь будущему, т. е., по крайней мѣрѣ, можетъ состояться лишь по окончаніи войны, но нѣкоторые факты выступаютъ уже и теперь съ достаточною полнотою, чтобы произнести о нихъ болѣе или менѣе точное сужденіе"...

Вы очень ошибетесь, если предположите, что эти строки взяты изъ газетной статьи нашихъ дней. Дѣйствительно, онѣ какъ бы написаны только вчера, до того жгуче-современно ихъ содержаніе. А между тѣмъ, имъ уже болѣе 27 лѣтъ отъ роду, — этимъ злободневнымъ строкамъ, — и давно высохли чернила, давшія имъ видимую жизнь. И принадлежатъ онѣ не какому-нибудь непризнанному генію, завидующему чужой славѣ, не какому-нибудь врагу порядка, всегда готовому шатать устои, а человѣку, увѣнчанному славой, убѣжденному консерватору, пламенному, даже слишкомъ пламенному другу порядка, словомъ, лицу, стоящему во всѣхъ отношеніяхъ внѣ всякихъ подозрѣній—Ѳ. М. Достоевскому.

Принято говорить, что исторія не повторяется. Еще принято говорить, что чужой опытъ никого не дѣлаетъ умнѣе. И, наконецъ,—это тоже излюбленная мысль,—стараются увѣрить, что изъ книгъ ничему научиться нельзя. Эту „практическую истину" любятъ провозглашать даже друзья книги, даже тѣ, которые сами прикосновенны къ литературной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, возьмемъ первое вспомнившееся имя,— ее съ прямолинейной настойчивостью реалиста проводилъ еще 40 лѣтъ назадъ Д. И. Писаревъ. Но если все это дѣйствительно такъ, т. е. если „исторія не повторяется", „чужой опытъ никого не дѣлаетъ умнѣе" и „изъ книгъ ничему научиться нельзя", то для чего же, въ такомъ случаѣ, изучать исторію, заниматься изслѣдованіями въ области общественныхъ наукъ и, вообще, читать какія бы то ни было книги? Вѣдь если и то, и другое, и третье—„ни къ чему", то, значитъ, все это, вмѣстѣ взятое, превращается, правда, въ невинное, но и совершенно безполезное препровожденіе времени. „Пурселепетанъ", какъ выражаются провинціальные остряки.

Но въ томъ-то и дѣло, что выставленныя противъ исторіи, опыта и книгъ практическія истины далеко не истины, а только афоризмы. Въ томъ-то и дѣло, что исторія неизбѣжно повторяется, хотя событія, конечно, не съ математической точностью совпадаютъ. Что касается чужого опыта, будь это опытъ другой страны, или опытъ своихъ же предшествовавшихъ поколѣній, то къ нему можетъ не прислушиваться отдѣльный человѣкъ — это его личное дѣло,—но къ нему не имѣетъ права оставаться глухимъ цѣлое общество, цѣлая страна. Наконецъ, книги — онѣ говорятъ. Если цвѣты говорятъ, если даже камни говорятъ, то какъ же не говорить книгамъ, этимъ великимъ хранилищамъ человѣческаго ума и чувства, или безумія и безчувственности, этимъ огромнымъ зеркаламъ общественнаго сознанія О, книги говорятъ, да еще какъ говорятъ! И даже не надобно никакого искусства, никакой мудрости, чтобы умѣть въ нихъ читать. Надобно только отъ времени до времени въ нихъ заглядывать.

* * *

„Внимая ужасамъ войны" на Дальнемъ Востокѣ, естественно обращаешься взоромъ къ прошедшимъ нашимъ войнамъ и, прежде всего, въ ближайшей изъ нихъ, къ турецкой войнѣ 1877—1878 г., къ событіямъ Крымской кампаніи. И тутъ нельзя миновать Достоевскаго, современника этихъ двухъ войнъ, оставившаго замѣтки, въ которыхъ тѣсно сплетается рѣчь о той и о другой. Конечно, о войнахъ этихъ имѣются сочиненія историковъ, имѣются обстоятельныя изслѣдованія военныхъ авторитетовъ. Но исторія — для историковъ, военныя изслѣдованія—для военныхъ. Имъ оставимъ впослѣдствіи произнести свой безпристрастный судъ, вывести свои безпристрастныя заключенія. А сейчасъ, намъ, кипящимъ въ горнилѣ событій, не до строго-научныхъ выводовъ. Тѣ, которые сами кипятъ, сами попали въ водоворотъ событій, намъ ближе, роднѣе... Не надобно даже, чтобы мы вполнѣ сходились съ ними въ мысляхъ и убѣжденіяхъ. Достаточно, чтобы они были вполнѣ искренни и глубоко чувствовали. Именно таковъ былъ Достоевскій. Съ нимъ можно не соглашаться, съ нимъ должно подчасъ жестоко спорить, но его нельзя не слушать, этого большого, но больного человѣка, такъ горячо, но и такъ болѣзненно любившаго Россію.

Взгляды Достоевскаго на войну, на политическія событія, предшествовавшія берлинскому конгрессу, на взаимоотношенія Россіи и Европы изложены имъ въ „Дневникѣ писателя" 1876—1877 г. И, конечно, это не случайность, что въ моментъ общественнаго напряженія горячо чувствующій Достоевскій временно промѣнялъ перо беллетриста на копье публициста.

Несомнѣнно, Достоевскій ошибался — это уже теперь до очевидности безспорно—и его пламенныя „прорицанія" (такъ онъ самъ полушутя выражается) остались неосуществившимися, но и самыя ошибки такого человѣка, какъ Достоевскій, поучительны, свидѣтельствуя о положеніяхъ, которыя не должны повторяться,—поучительны, слѣдовательно, заключеніями дѣйствительности, прямо противоположными тѣмъ, къ какимъ пришелъ въ своей фантазіи Достоевскій.

Въ Дневникѣ 1876 г. (апрѣль, гл. II), т. е. тогда, когда, выражаясь языкомъ политическихъ передовыхъ, „надъ Балканскимъ полуостровомъ начали сгущаться тучи", Достоевскій, между прочимъ, пишетъ:

„... И, вообще, мы такъ поставлены нашей европейской судьбой, что намъ никакъ нельзя побѣждать въ Европѣ, если бъ даже мы и могли побѣдить: въ высшей степени невыгодно и опасно". „Какія-нибудь частныя, такъ сказать, домашнія побѣды „они" могутъ еще намъ простить (разсуждаетъ дальше Достоевскій), завоеваніе Кавказа, напримѣръ. И недавнія наши (т. е. до 1876 г.) пріобрѣтенія въ Средней Азіи „они" тоже, повидимому, „простили" намъ, однако же какъ вѣдь квакаютъ тамъ у себя, успокоиться не могутъ".

„Они"—это наши исконные враги, которые, какъ извѣстно, всегда покушаются на наше благополучіе. Намъ не только турокъ и англичанка гадятъ. Намъ и нѣмецъ завидуетъ. И всякая „эта самая нація" въ Европѣ готова утопить насъ въ ложкѣ воды. Въ наши дни можно было бы къ двунадесяти языкамъ присоединить заодно и „эту самую американку", которая „дружила-дружила съ нами", да вдругъ „взяла да и взбунтовалась противъ насъ и стала всякія каверзы строить". Продѣлки китайцевъ извѣстны всему свѣту, а ужъ про „этого самаго" японца и говорить нечего. Словомъ, всѣ-то намъ завидуютъ, всѣ-то насъ подсиживаютъ, всѣ подкапываются, всѣ покушаются, всѣ „забижаютъ". И никто насъ не любитъ. Спрашивается только: за что? за что?

Да вотъ за то именно, что „опасаются". Такъ какъ — и это опять-таки всѣмъ извѣстно—будущее принадлежитъ не имъ, а намъ. Вотъ какъ объ этомъ думаетъ Достоевскій, предупреждая, что онъ говоритъ „не мечтательно, а почти съ увѣренностью":

„... Въ скоромъ, можетъ быть, ближайшемъ будущемъ Россія окажется сильнѣе всѣхъ въ Европѣ. Произойдетъ это отъ того, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы (!), и по весьма простой причинѣ: онѣ всѣ будутъ обезсилены и подточены неудовлетворительными демократическими стремленіями огромной части своихъ низшихъ подданныхъ, своихъ пролетаріевъ и нищихъ. Въ Россіи же этого не можетъ случиться совсѣмъ: нашъ демосъ (?) доволенъ, и чѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ, ибо все къ тому идетъ, общимъ настроеніемъ, или лучше согласіемъ. А потому и останется одинъ только колоссъ на континентѣ Европы—Россія. Это случится, можетъ быть, даже гораздо ближе, чѣмъ думаютъ. Будущность Европы принадлежитъ Россіи. Но вопросъ: что будетъ тогда дѣлать Россія въ Европѣ? Какую роль играть въ ней? Готова ли она къ этой роли?"

* * *

Отвѣты на вопросы Достоевскаго даны жизнью.

Прошло болѣе четверти вѣка со времени его прорицаній, высказанныхъ „не мечтательно, а почти съ увѣренностью"—и что же? Въ Европѣ не только не уничтожились всѣ великія державы, но окрѣпли—и къ нимъ, въ „міровомъ концертѣ", прибавились новыя. Словомъ, все—на мѣстѣ. А вотъ, у насъ никакъ нельзя сказать, что все обстоитъ благополучно. „Шумимъ, братецъ, шумимъ"—сказалъ бы Репетиловъ. И воюемъ...

Да, и такіе большіе люди, съ такой большой душой, какъ Достоевскій, впадаютъ въ ошибки, когда хотятъ судить не разумомъ, а сердцемъ. „Произойдетъ это отъ того, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы". При всемъ великомъ уваженіи къ Достоевскому, нельзя читать этихъ словъ безъ улыбки. Безъ горькой улыбки. И нельзя не покачать головой. Боже мой, до чего это схоже съ опасеніями Поприщина, что земля сядетъ на луну. Вотъ ужъ подлинно любовь, которая затмеваетъ и разумъ. И не отъ подобныхъ ли именно прорицаній, произнесенныхъ въ гордомъ ослѣпленіи своей силой, и произошли всѣ тѣ событія, которыя съ такой трагической послѣдовательностью разыгрались на нашихъ глазахъ?..

„Война. Мы всѣхъ сильнѣе" — озаглавливаетъ Достоевскій свой „Дневникъ" черезъ годъ (апрѣль, 1877), т. е., когда война уже объявлена. „Всѣхъ сильнѣе", даже въ случаѣ неблагополучнаго исхода:

„... Если предположить даже самый худшій, самый даже невозможно худшій исходъ для начавшейся войны, то хоть и много вынесемъ свернаго, уже надоѣвшаго до смерти стараго горя, но колоссъ все же не будетъ расшатанъ, и рано ли, поздно ли, а возьметъ все свое"...

И на слѣдующей страницѣ еще одинъ шагъ вверхъ, по этой шаткой лѣстницѣ упорной гордыни: „Въ томъ-то и главная наша сила, что (они, опять „они") совсѣмъ не по-

нимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ въ Россіи! Они не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мірѣ (!), что мы можемъ, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобѣдимыми, именно, единеніемъ нашего духа народнаго и сознаніемъ народнымъ". Вотъ еще одинъ изъ нашихъ „китовъ"—это наше „единеніе": въ чемъ оно выражается? И другой: наше народное сознаніе. Нашъ народъ — „таинственный незнакомецъ", любимъ мы твердить. „Вы не знаете народа, вы не понимаете народной души любимъ мы въ спорѣ повторять другъ другу. „Народъ нашъ только и спленъ своей стихійной безсознательностью" не устаютъ твердить люди патріотическихъ направленій. „Не трогайте его, не просвѣщайте его, не будите его сознанія, предоставьте его природѣ". Итакъ, „стихійное, непосредственное, безсознательное". А чуть понадобилось позабавить свою національную честь, сейчасъ: народный духъ, народное сознаніе!..

* * *

Что болѣе всего (по Достоевскому) нужно для нашего народнаго самосознанія, это отвернуться отъ Европы и направить всѣ свои помыслы на Азію. Отвернуться отъ окна въ Европу, правда, трудновато, но зато проникнуть въ Азію (вторая часть задача) чрезвычайно легко... „Азія,—да, вѣдь, это и впрямь, можетъ быть, нашъ исходъ въ нашемъ будущемъ,—опять восклицаю это! И если бы совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеи—о, какой бы корень былъ тогда оздоровленъ! Азія, азіатская наша Россія,—вѣдь, это тоже нашъ больной корень, который не то что освѣжить, а совсѣмъ воскресить и пересоздать надо! Принципъ, новый принципъ, новый взглядъ на дѣло— вотъ что необходимо".

Итакъ, въ Азію, въ Азію, въ Азію!

— Да зачѣмъ, зачѣмъ? (отъ имени какихъ-то „раздраженныхъ голосовъ" возражаетъ Достоевскій). Азіатскія наши дѣла и теперь требуютъ отъ насъ безпрерывно войска, затратъ непроизводительныхъ. И какая тамъ промышленность? Гдѣ ихъ товары, гдѣ найдете вы тамъ потребителей нашихъ товаровъ? И вотъ, вы приглашаете насъ, неизвѣстно зачѣмъ, отвернуться отъ Европы навѣки.

Но Достоевскій не внемлетъ этимъ „раздраженнымъ" (по его мнѣнію) голосамъ. Въ Азію, въ Азію! „Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азію явимся господами" —вотъ что Достоевскаго соблазняетъ. Значитъ, мѣсто краситъ человѣка, а не человѣкъ мѣсто, вопреки мудрой пословицѣ. „Въ Европѣ мы были татарами, а въ Азіи и мы европейцы". И цивилизаторы! Это—вчерашніе „приживальщики и татары". Стройте желѣзныя дороги въ Сибирь и въ Среднюю Азію! Шествуйте исполнять свою миссію! Въ Азію, въ Азію!

Такъ вѣщалъ и прорицалъ 25 съ чѣмъ-то лѣтъ тому назадъ Достоевскій. Къ чему привели эти и имъ подобные крики,—извѣстно. Мы не только въ Сибирь построили желѣзную дорогу, не только въ Азію пробрались, а „гораздо дальше". И результаты тоже налицо: они ждать себя не заставили. На протяженіи 50 лѣтъ Севастополь на Черномъ морѣ и другой—на дальнемъ океанѣ. Севастополь, очевидно, не вразумилъ насъ и гордыни нашей не смирилъ. И не направилъ наши помыслы на строительство общественной жизни—единственно разумное и цѣлесообразное. Севастополь не вразумилъ... А Портъ-Артуръ —вразумитъ ли?

Д. Городецкій.

Странички изъ исторіи недавняго прошлаго.

(Генералъ Каульбарсъ въ Болгаріи).

Кто-то жалуется на столбцахъ берлинской печати, что изъ-за русскихъ дѣлъ нѣмцы забываютъ свои собственныя дѣла, и эта жалоба не лишена основанія, поскольку рѣчь идетъ о берлинскихъ газетахъ, въ которыхъ всѣ обычные отдѣлы, можно сказать, вытѣснены депешами и письмами изъ Россіи. Любопытно, что не только текущая русская дѣйствительность, но прошлое Россіи, и далекое и недавнее прошлое, волнуютъ германскую публику. Земскимъ соборамъ, выясненію ихъ роли и значенія, посвящены многочисленныя статьи въ журналахъ и газетахъ. Вспомнили также о взаимоотношеніяхъ между Россіей и славянскими государствами на Балканахъ, чему, вѣроятно, поводомъ послужилъ визитъ князя Фердинанда болгарскаго въ Берлинъ. Въ „Allgemeine Zeitung" профессоръ Шиманъ дѣлится съ публикой воспоминаніями одного петербургскаго дипломата о встрѣчѣ князя Бисмарка съ генераломъ Каульбарсомъ, который въ 1887 г., въ эпоху стамбуловщины, былъ отправленъ со спеціальной миссіей въ Софію и завершилъ свою дѣятельность полнымъ разрывомъ, отозваніемъ всѣхъ нашихъ представителей изъ Болгаріи. Съ этими воспоминаніями я и желалъ бы познакомить вашихъ читателей.

Баронъ Каульбарсъ на пути изъ Софіи въ Петербургъ заѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ княземъ Бисмаркомъ. Объ этомъ свиданіи петербургскій дипломатъ сообщаетъ берлинскому профессору, завѣдующему политическимъ отдѣломъ въ „Крестовой Газетѣ", главномъ органѣ прусскихъ юнкеровъ и аграріевъ.

Бисмаркъ такъ тщательно и подробно разспрашивалъ Каульба са о болгарскихъ дѣлахъ, что отвѣты русскаго дипломата превратились въ обширнѣйшій докладъ. Князя Александра Баттенберга Бисмаркъ называлъ тогда „ничтожествомъ". „Помните—замѣтилъ канцлеръ—я въ свое время, бесѣдуя съ вами въ Скерневицахъ, послѣ заключенія военной конвенціи, замѣтилъ: интересно знать, долго-ли продолжится это „ничтожество", и вотъ, оказывается, онъ продержался дольше, чѣмъ я думалъ". Каульбарсъ жаловался на то, что всѣ его дѣйствія въ Болгаріи парализовались происками Австріи и Англіи, на что Бисмаркъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что у Австріи нѣтъ въ Болгаріи никакихъ интересовъ—и даже торговыхъ. „Нельзя-же—прибавилъ онъ—принимать въ расчетъ пару-другую австрійскихъ пароходиковъ, плавающихъ по Дунаю; у насъ тамъ гораздо больше торговыхъ сношеній". Каульбарсъ, конечно, хорошо зналъ, что не пара-другая пароходиковъ, а 600 австрійскихъ пароходовъ и 1,000 баркасовъ совершаютъ рейсы по Дунаю; онъ зналъ также, что въ теченіе 300 лѣтъ развивалась и крѣпла торговля балканскихъ государствъ съ Австро-Венгріей, и что фактически никакое другое государство не можетъ въ этомъ отношеніи конкуррировать съ Австро-Венгріей, но онъ не счелъ нужнымъ указать Бисмарку на глубокую ошибку, въ которую канцлеръ, какъ полагалъ русскій генералъ, впалъ сознательно, съ предвзятымъ намѣреніемъ. Бисмаркъ далѣе спрашивалъ, почему Россія ничего не предпринимаетъ для коренного рѣшенія болгарскаго вопроса, замѣтивъ, что Германія согласится на какое-угодно предложеніе и постарается уговорить также Австрію. Каульбарсъ отвѣтилъ, что Россіей уже достаточно сдѣлано для Болгаріи, и что, въ качествѣ великой державы, она не можетъ выступать съ предложеніями, которымъ другіе будутъ противодѣйствовать. Общее впечатлѣніе у Каульбарса осталось такое, что въ то время, т. е. въ 1887 году, Бисмаркъ всячески старался вовлечь Россію въ рискованные болгарскіе планы, дабы обезпечить себѣ свободу дѣйствій противъ Франціи.

„Каульбарсъ, — продолжаетъ профессоръ Шиманъ, со словъ своего петербургскаго друга, — передалъ мнѣ при этомъ разсказъ, слышанный имъ не отъ Бисмарка, а отъ очень высокопоставленнаго русскаго сановника, разсказъ, характеризующій личность князя Горчакова. Незадолго до взрыва русско-турецкой войны 1877-го года, Швейницъ (тогдашній германскій посолъ въ Петербургѣ) явился къ князю Горчакову и отъ имени князя Бисмарка вручилъ ему письмо слѣдующаго содержанія: „Германія очень жалѣетъ, что война стала неизбѣжной, но такъ какъ фактъ ничѣмъ не устранимъ, то она совѣтуетъ Россіи разъ навсегда покончить съ восточнымъ вопросомъ и взять Константинополь. Германія не только ничего противъ этого имѣть не будетъ, но постарается удержать Австрію отъ всякихъ агрессивныхъ плановъ противъ Россіи". Горчаковъ, предвидя, что такимъ путемъ его великій соперникъ надѣется пожинать новые лавры, бросилъ письмо подъ столъ и никому о немъ не говорилъ".

Такъ утверждаетъ берлинскій профессоръ со словъ неизвѣстнаго петербургскаго дипломата, но несомнѣнно, что князь Горчаковъ руководствовался не личнымъ честолюбіемъ, а недовѣріемъ къ берлинскому кабинету. Изъ дальнѣйшаго изложенія профессора Шимана видно, что послѣ берлинскаго конгресса Бисмаркъ однажды обратился къ упомянутому выше русскому сановнику, гостившему въ Берлинѣ, со слѣдующимъ вопросомъ:

„Отчего Россія такъ недовольна нами, отчего она не рѣшилась взять Константинополь? Вѣдь мы же сдѣлали ей предложеніе!".

Этотъ вопросъ долженъ былъ изобразить Горчакова въ роли предателя отчизны, а профессоръ Шиманъ утверждаетъ, что оригиналъ цитированнаго выше письма Бисмарка къ Горчакову хранится въ германскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

На эту исторію и намекалъ князь Бисмаркъ въ бесѣдѣ съ генераломъ Каульбарсомъ, настаивая на раздѣлѣ Балканскаго полуострова между Россіей и Австріей, причемъ послѣдняя должна получить Салоники. Вотъ аргументація покойнаго желѣзнаго канцлера.

„Повидимому, вы, русскіе, желаете получить всѣ словацкія провинціи Австріи, которая, въ свою очередь, не прочь взять Константинополь. Дѣлитесь, какъ угодно, только не съ оружіемъ въ рукахъ. Если вы прогоните султана, намъ будетъ жаль, потому что онъ нашъ искренній другъ, и мы съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ, но для его спасенія мы ровно ничего не сдѣлаемъ, между тѣмъ, какъ австро-русская война была бы очень неудобна. Существованіе Австріи необходимо Германіи, и вотъ почему появленіе русскихъ войскъ у Вѣны или Брюнна заставило бы насъ взяться за оружіе".

Въ Россіи эта аргументація не встрѣтила довѣрія со стороны руководящихъ и правящихъ круговъ, хотя она и служила предметомъ горячихъ дебатовъ въ гостиныхъ и предметомъ острой полемики въ печати. Въ Германіи далеко не всѣ согласны съ профессоромъ Шиманомъ, который написалъ нѣсколько десятковъ статей, съ цѣлью доказать, что отвѣтственность за берлинскій конгрессъ, за постигшія насъ неудачи послѣ побѣдоносной войны падаетъ на князя Горчакова, а не на бисмарковскую Германію.

И. Оленинъ.

Берлинъ.
въ февралѣ

Поручикъ 16-го восточно-сибирскаго полка
М. Я. Бурневичъ,
герой Портъ-Артура, попавшій въ плѣнъ.

Капитанъ 2-го ранга
Г. В. Циммерманъ,
герой Портъ-Артура, попавшій въ плѣнъ.

Поручикъ 145-го пѣх. полка
Н. И. Нѣговскій,
пропавшій безъ вѣсти во время боя у Шахэ.

Поручикъ 63-го пѣх. полка
Любичъ-Зеленскій,
раненый у деревни Суньдязай.

Поручикъ манчжурской добровольной дружины
А. І. Накхунстъ,
убитый въ стычкѣ съ хунхузами.

Корпусн. комендантъ 3-го сибирскаго корпуса, графъ
П. Е. Комаровскій,
контуженный у Тхавуанскаго перевала.

Капитанъ 216 пѣх. полка
Л. Б. Михѣевъ.

Шт.-капитанъ 11 пѣх. полка
В. В. Копаневичъ.

Капитанъ 148 пѣх. полка
Э. А. Андресъ.

Поручикъ 11 пѣх. полка
А. Александровъ.

Капитанъ 148 пѣх. полка
С. З. Домбровскій.

Подпоручикъ 146 пѣх. полка
Н. С. Молчановъ.

Убитые въ бою у Шахе.

Шт.-капитанъ
И. Александровъ,
раненый на Путиловской сопкѣ.

Капитанъ 22-го восточно-сибирск. полка
А. Веселовскій,
раненый у Бенсиху.

Капитанъ 88-го пѣхотнаго полка
М. Шелудченко,
раненый на Путиловской сопкѣ.

Поручикъ 148-го пѣхотнаго полка
Н. Тглявинъ,
раненый въ бою у Ляояна.

Сотникъ 2-го читинскаго полка
Н. Зененковъ,
раненый въ бою у Ляояна.

Шт.-капитанъ 85-го пѣхотнаго полка.
К. Чарновскій,
раненый въ бою у Ляояна.

Мичманъ
В. Соймоновъ 1-й,
убитъ.

Поручикъ
Злобинскій,
убитъ.

Мичманъ
А. И. Соколовъ,
убитъ.

Лейтенантъ
Н. Совинскій.

Подпоручикъ
А. Галилеевъ,
участникъ битвы у Цзинь-Чжоу.

Поручикъ
В. Завадскій,
пробравшійся въ Портъ-Артуръ съ послѣднимъ поѣздомъ полк. Спиридонова.

Герои Портъ-Артура.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., соб. д. 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“ С. М. Пропперъ.